

Хабир ИБРАГИМ

Родился 1958 году в деревне Бурнашево Апастовского района Республики Татарстан. Окончил Казанский институт культуры. Работал в Казанском доме художественной самодеятельности, в государственной телевизионной и радиовещательной компании «Татарстан», в редакциях газет «Ватаным Татарстан», «Шахри Казан», журнале «Татарстан».

Поэт, прозаик, драматург, киносценарист, публицист, переводчик. Член Союза писателей РТ, член Союза театральных деятелей РФ, лауреат премий А. Алиша, Т. Миннуллина, Ш. Маннура, Г. Исхаки. Автор восьми книг прозы и поэзии. Директор Татарского агентства интеллектуальной собственности (ТАИС).

КОХАНИЙ

– Все началось с болезни, – начал он свою душещипательную историю. – Как ни странно, именно благодаря ей я обрел огромное счастье, испытал неповторимое чувство любви и познал смертельную тоску.

Давно это было, в эпоху развитого социализма. Для меня – поистине печальное время, тревожное время, исполненное забот время. Мне исполнилось двадцать два: я молод, а уже серьезно болен. Хорошо помню, как столкнулся с этой напастью и как захворал. Наш дом в деревне был обшит деревянными досками. Отец каждый год красил его. По краску он всегда приурочивал к летним месяцам, так поступил и в тот год, по обыкновению доверив священнодействие мне. Я приступил к работе ранним утром, а когда на дворе стало жарко и душно, снял верхнюю одежду и продолжил махать кистью полураздетым. Вечером небо затянули темные тучи, похолодало. Свежий ветер прошелся по моему голому телу, основательно застудив поясницу.

Забыл сказать: окончив институт и получив диплом, я поселился в райцентре. Меня взяли методистом в Дом культуры. Времени мы там зря не теряли, как говорится, окультуривали народ. Впрочем, возвращаясь к Шурале... русские в таких случаях говорят «к нашим баранам», я решил рассказать вам не о своей работе, а кое о чем совершенно другом...

Итак, я постоянно болею: настроения нет, самочувствие ни к черту. Время от времени даже думаю о смерти. А кто хочет умереть молодым! Вроде бы мой нефрит не такая уж и опасная болезнь, не смертельная во всяком случае, но постоянные боли в почках, ломота в пояснице меня очень угнетали.

Я наведалься к Расиху-абыю, который работал урологом в районной больнице, спасибо ему – не бросил племянника в трудную минуту. По его словам, хворь оказалась весьма серьезной. Необходимо длительное лечение. В итоге через несколько дней меня отправили в старую, обветшалую больницу – полы в ней прогнили, штукатурка на стенах отслоилась. В одной палате лежали около двадцати человек – на железных кроватях с панцирными сетками, они стояли ровными рядами, как в казарме. «Вот и лежи тут, пока горб не вырастет!» – обреченно подумал я.

Как сейчас помню двоих. Один – пожилой мужчина, другой – молодой парень. У пожилого случился сердечный приступ, а у молодого – нагнаивалась стопа, начиналась гангрена. Дело дошло до ампутации. Бедняге отрезали левую ногу. Он работал механизатором, и его зацепил тракторный башмак. Ногу, оказавшуюся под многотонной машиной, довольно сильно перемололо, а затем она начала гнить. Парень, конечно, питал надежду отвести беду, сохранить нижнюю конечность, но увы...

Мужик с изношенным сердцем скончался утром в реанимации. Больничная палата заполнилась родственниками и друзьями покойного. Видимо, его смерть стала для них неожиданностью. В тот момент моя болезнь превратилась в пустячный вздор рядом с их горем.

Парень, оставшийся без стопы, два дня пролежал ни с кем не разговаривая, лишь тихо скрипел зубами и обливался невидимыми миру слезами. Наверное, только так можно пережить всю горечь того, что в двадцать лет стал инвалидом!..

Через две недели Расих-абый пригласил меня в свой кабинет.

– Как дела, племяш? – спросил он.

– Хорошо, – сказал я.

– Есть ли прогресс?

– Есть, – сказал я. Соврал, конечно. Честно говоря, не хотелось ставить в неловкое положение своего лечащего врача, да к тому же родственника. Молод я был, уважителен к старшим.

Кстати, отец моего двоюродного брата, Хабибрахман-абый, тоже был медиком. Всю жизнь работал фельдшером в селе Кукузи. Все-го-навсего фельдшером, а окрестный народ только его и признавал. В отличие от других, у Хабибрахмана-абыя имелся свой собственный метод лечения. Он не пичкал народ химией, применял лекарственные травы. Было дело, мать, сильно похудевшая после какой-то тяжелой операции, упала в ноги дяде Хабибрахману. Он посмотрел на нее и сказал: «Пожалуй, начнем лечение с лука!» – и повел ее в свой огород. Там мама с удовольствием отведала зеленого лука. И так, раз за разом, она подчистила всю грядку вместе с сорняками. Слава богу, в итоге перестала чахнуть...

Расих-абый тоже был в своем роде замечательным – мягкосердечным, искренним человеком. Круглолицый, улыбчивый. Больные любили его. Ласково взглянув из-под бровей, он мог сказать каждому доброе слово и выразить сочувственное понимание. Согласитесь, порой это имеет большую ценность, чем лечение...

– Вот что, братец ты мой, – сказал Расих-абый с серьезным видом, – чувствую, ты еще не восстановился полностью. Мы тут сделали для тебя все возможное. Но твоя болезнь не из тех, которую можно вылечить здесь, – не районного она масштаба. Поэтому я бы посоветовал тебе лечь в казанскую больницу – специальную, для заболеваний почек, и если ты скажешь, что готов, могу отправить тебя туда...

– Дядя, – вдруг осмелел я, – ты не можешь дать мне путевку в Трускавец?

– Трускавец?! – удивился Расих-абый. – Нет, направление туда можно получить только через профсоюз. И это еще не все... по очень великому благу...

– Мне посоветовали этот санаторий, будет ли польза, если я поеду?

– Будет! А знаешь почему?

– Почему, дядя?

– Ты, браток, ошибаешься, если думаешь, что дядя Расих только улыбается да языком треплет! Я хорошо изучил твою болезнь. Ты ведь в свое время сильно болел ангиной, серьезно простудился...

– Мне ее вырезали...

– Что?

– Ангину.

– Где?

– В городе.

– Ангину не вырезают.

– Что-то все-таки вырезали.

– А, гланды. Правильно сделали. Вот эти твои слабые гланды и дали почкам осложнение. У тебя из-за этого воспалились почки, понимаешь?

– Понимаю...

– Как возникает ангина? Ее вызывают бактерии. А они, в свою очередь, оседают на почках в виде песка...

– Не знаю, ел ли я песок...

– Я же не говорю тебе, что ты съел песок! – рассмеялся дядя. – Это бактерии оседают в почках и превращаются в песок. Из-за этого воспаляются почки...

– А... вот оно что... – Я наконец-то начал осознавать причину своей болезни. – Именно из-за этого у меня болят почки, так?

– Так...

– Дядя, с тобой я и сам, кажется, стал профессором...

– А что, я, между прочим, подготовил двух профессоров, одному провел практику, другому написал диссертацию, – похвастался Расих-абый и добавил: – В Трускавце чудесная вода, если попить ее всего десять дней, она выгонит из почек весь песок...

– Ведь город Трускавец на Украине?

– Да, во Львовской области...

О том, что в Трускавце есть источник целебной воды, я знал и без дяди. Так что в разговоре с ним опять немного лукавил. Мне о чудо-санатории рассказал сосед по палате, мужчина лет сорока. Он многие годы жил с одной почкой и потому, будучи инвалидом, неоднократно успел побывать в Трускавце, причем всякий раз по путевке.

– Как же раздобыть путевку, дядя? – воскликнул я.

– Путевку туда ты вряд ли получишь, – дал напоследок совет мой лечащий врач, по совместительству родственник. – Разве что поедешь дикарем... да, дикарем...

В тот момент предложение отправиться без путевки в незнакомый край, да еще и такой отдаленный по меркам тех лет, не вызвало во мне ни малейшего опасения.

Перед выпиской из больницы я попрощался в палате со всеми, с кем довелось познакомиться. Тракторист, потерявший ногу, уже немного успокоился и смирился со своей горькой судьбой. Я сказал ему: «Не падай духом, друг, надо как-то жить!» А он, ободренный моими словами,

ткнул меня в бок: «Буду жить, почему бы и нет! Да еще как буду жить! Вы на своих двух ногах не угонитесь за мной, одноногим!»

В тот момент под кровать мужчины с одной почкой медсестра поставила пустую банку. От этого его пожелтевшее жилистое лицо исказилось гримасой негодования:

– Сколько можно сдавать этот рассол. Утром, вечером, после обеда, после ужина... осточертело! – посетовал он.

– Тебе жалко, что ли? – пошутил кто-то.

– А может, и жалко! – запальчиво выкрикнул тот...

Этот разговор, к счастью, завершился всеобщим смехом. Так что напоследок я смог как следует расспросить беднягу о Трускавце и благополучно исчез из удручающе тоскливого больничного мира. После выписки у меня какое-то время еще было сильное желание поехать на курорт, но его захлестнули текущие жизненные заботы...

* * *

Районный центр, в котором я жил, был одним из скучнейших уголков нашей, необъятной в ту пору, Родины: из деревни превратился в село, а до поселка городского типа не дорос. Два больших административных здания да пять-шесть магазинов. Уличных фонарей немного, ночью темно, улицы грязные, осенью и весной «биз бутов», то есть без резиновых сапог, не пройдешь. Государственные учреждения, почти все, располагались в старых кирпичных зданиях, в том числе Дом культуры, где мне каждый день приходилась бывать по работе.

Кстати, меня там, как только приехал, сразу избрали секретарем комсомольской ячейки управления культуры. Я пытался сопротивляться, но моим доводам никто не внял: мол, молодой, обнадеживающий кадр. Денег за руководство ячейкой не обещали, потому что, дескать, это общественная работа. В итоге «молодой и многообещающий кадр» (как они до этого додумались!) весьма холодно отнесся к комсомолу и за год не удосужился провести ни одного заседания. Что уж говорить об отчетно-выборном собрании. Я не смог его подготовить, потому что попросту не знал, к чему подступиться. Собрание провели сами руководители комитета, а мне было очень стыдно за то, что я палец о палец не ударил. После этого на мое место выбрали другого человека. Спасся, бог ты мой!

«Партия сказала: надо! Комсомол ответил: есть!» – этот лозунг почему-то наводил на меня смертельную тоску, вместо этого всегда тянуло к творчеству и книгам. Так, повинувшись божественной силе этого притяжения, я однажды открыл дверь районной библиотеки и безнадежно, безмерно влюбился в библиотекаря Галю – девушку с темно-кариими глазами и облаком мелких кудряшек на голове.

Эта влюбленность, пожалуй, единственное, чем я походил на своих сверстников. Они активно участвовали в общественной жизни, горели энтузиазмом на комсомольских стройках, пели бодрые песни, прославляя Страну Советов, а я сходил с ума по униженным и оскорбленным авторам, которых задвинули в тень. Такие гении, как Дэрдменд, Кандальй, Блок, Клюев, Анненский, Северянин, уже тогда были моей духовной опорой. Я приходил за их книгами в библиотеку и дивился кучерявой черноглазой Гале. В моих глазах она была жрицей в Храме духовных сокровищ человечества, но при этом не гнушалась собирать взносы в нашей комсомольской организации. Оказалась многогранной

личностью. Как ни странно, мы с ней первое время не подозревали, что наши творческие узы переплетаются с сердечной привязанностью и плотским интересом.

Галя была кряшенкой, то есть татаркой, исповедующей христианство. Добровольно или под принуждением ее предки крестились после захвата Казанского ханства войсками Ивана Грозного, мне было все равно. Больше волновало, почему Галя заинтересовалась мной, ведь Бог не поскупился на ее красоту! Короче, я погрузился в пучину любви всей душой и телом. Что взять с молодости: «То кровь кипит, то сил избыток!» – все равно, кого любить, лишь бы только любить! Молодость – это пора, когда окрыленная душа летит, а тело, ежеминутно подверженное соблазнам – стоит только подумать о женщине, – возвращает ее на грешную землю.

Когда я увидел Галю в первый раз, в голове сразу возникли наполеоновские планы: если жениться, то только на этой красавице. Завоевание девичьего сердца длилось недолго, как ни крути, не Бородино, но не было и окончательной победы. И тут снова напрашивается сравнение с Наполеоном. То есть Москву-то я покорил, а вот саму Россию завоевать не удалось. Говорят, «каждая любовь неизбежно заканчивается телесной близостью», и, согласно этому повсеместно бытующему мнению, каждый мужчина стремится обладать не только душой женщины, но и ее телом. Какой-нибудь утонченный эстет скажет, что это всего-навсего мужская распущенность, бесстыдство, неспособность преодолеть свою животную природу, но на самом деле это неизбежный факт, и зависит он в первую очередь от человеческого естества, его физиологии. Как будет на латыни «человек прямоходящий»? Homo erectus! То-то же.

Девственная чистота моего библиотекаря вскоре начала опустошать меня. Скромные объятия и поцелуи в щеку надоели. Я сгорал в огне от малейшего прикосновения к Гале, сходил с ума, терял рассудок. Чувствуя это, Галя старалась держать дистанцию, не подпускала слишком близко к себе.

Пришлось познакомиться с ее матерью. Не дома, конечно, а на улице и якобы случайно. Надежда Павловна с первого взгляда поняла, что я за фрукт, если и не в полном объеме, то достаточном, чтобы предостеречь: «Будь осторожна с этим парнем, того и гляди обманет!» Вердикт был оглашен дочери в тот же день. Когда Галя передала мне эти слова, я обиделся и на нее, и на ее суровую мать, но внутренне согласился с невысоким мнением о себе, сказав, что никто не знает настоящей правды...

Впрочем, случившееся не стало поводом отступить от задуманного. Но толку от моей настырности не было. Девушка напоминала мне гибкий ивовый прут! Прилагаешь усилие, и он поддается, даже сгибается, но потом все равно распрямляется, возвращаясь в прежнее состояние. Если женщина упрямится, стоит на своем, не говори ей, что ты ее сломишь, заставишь уступить!

В ту пору я жил у Батья-абья. Он был ровесником моего отца, и какое-то время они вместе трудились, а потом их пути разошлись: отец уехал в деревню поднимать колхоз, а Батый-абый обосновался в райцентре. В свое время он занимал высокие посты, дорос до председателя исполкома, но после выхода на пенсию зажил простой спокойной жизнью. Его дети давно обзавелись своими семьями, и теперь дядя Батый со старухой коротал век в небольшом деревянном доме на одной из центральных улиц.

Я быстро сблизился с этим человеком, лучезарным, как мне казалось, несмотря на то что лицо его было испещрено морщинами и что ходил он слегка сгорбившись, а улыбался из-под насупленных бровей. Батый-абый тоже принял меня как своего сына. Я даже посвятил ему стихотворение и отнес его в поэтический кружок, собиравшийся при районной газете. Но ни работники редакции, ни любители поэзии не приняли мой опус. И дело вовсе не в том, что стихотворение оказалось плохим или, наоборот, слишком для них хорошим. Отвержена была личность адресата – дяди Батыя. По окончании заседания главный редактор пригласил меня к себе и сказал: «Нечего тебе его воспевать, это не тот человек, которого нахваляют, он многих людей после войны упек в тюрьму!» Я не на шутку испугался. Хотя с самого начала и поверил в услышанное и в то же время не поверил. А потом решил: не все ли мне равно. Мы с дядей Батыем поддерживаем дружеские отношения, уважаем друг друга, а большего мне и не нужно.

Кстати, мы часто спорили с ним. По преимуществу на темы идеологии. Будучи партийцем, Батый-абый хотел, чтобы я тоже вступил в партию. Но я почему-то не стремился в ряды КПСС и очень расстроил его тем, что был исключен из секретариата комсомольской ячейки...

– Ты же поставил преграду на своем пути, сынок! – бранил он меня. – Карьеру так не делают...

– Это еще зачем?! – хорохорился я. – У меня нет стремления делать карьеру...

– Чушь! – возразил дядя. – Тебе это нужно, по молодой дурости сейчас так говоришь. Посмотри, как парни и девушки твоего возраста наперегонки бегут занимать государственные должности. В будущем они сядут в высокие кресла, поднимаясь все выше и выше. А ты...

– Прячешься в кусты! – ответил я в рифму. Нет, на самом деле строками Хади Такташа: «Мин югарыга табан юл алдым, э син менэлмэден, калдың, югалдың...» – мол, это как раз я иду к свету, к вершине, а другие, кто не со мной, пропадут в неизвестности...

– Шутить неуместно, – сказал дядя Батый, съезживая и без того морщинистое лицо. – Если хочешь подняться наверх, брат, надо сначала вступить в партию.

– Кто же меня возьмет?

– А Батый-абый на что? Помогу, прежние знакомства не закончились.

– Дядя...

– А?

– Ты не рассердишься, если я кое-что скажу?

– Скажи, попробуй... почему нет...

– Партии скоро конец...

– Как это «конец»?..

– Она пройдет, как с белых яблонь дым...

– Эх, мать-перемать! – в сердцах выругался старик. – Не болтай лишнего! Ладно, мне сказал, но, пожалуйста, не говори этого другим! Ты погубишь всех нас...

Когда я начал осторожно объяснять дяде Батыню, что общество, построенное на ложной и пустой идеологии, никогда не будет иметь будущего, дядя немного задумался и потом сказал:

– Пустая она или ложная, но ты сейчас находишься в этой системе и должен жить по ее законам. А если не захочешь, тебя раздавят, та же система тебя раздавит, пойми. И намотай это себе на ус, сынок: че-

ловек, прошедший партийную школу, никогда в жизни не опускается ниже положенного ему уровня, всегда остается наверху...

– Батый-абый! – перебил я пожилого человека; разумеется, поступил нехорошо, но был сыт по горло его нравами. – Есть и другая причина, по которой я не хочу вступать в ряды партии...

– И по какой же?

– Если я женюсь, моя жена тоже должна быть партийной...

– Это еще почему!

– А вдруг жена окажется мещанкой, что тогда? Как мне делать карьеру? Каждый раз, когда я буду подниматься наверх, она будет тянуть меня вниз...

* * *

Как ни крути, а жизнь в съемном жилье была сопряжена со множеством неудобств. Весной и осенью я ночевал не в самом доме, а на веранде, чтобы не мешать старикам. Ведь случалось задерживаться в клубе до полуночи. Наконец, через полгода, я переселился на Яшьләр урамы, то есть на улицу Молодежную. Половина двухкомнатной квартиры в двухэтажном панельном доме стала принадлежать мне. Казалось, я очутился в раю, как ни смешно это звучит в отношении убогой хрущевки. Просто мне, живущему в мире своих грез, было очень приятно остаться наедине с самим собой.

Впрочем, нельзя говорить о моем совершенном одиночестве, потому что одну часть двухкомнатной квартиры (небольшую) занимал я, а в другой проживали два холостяка, оба учителя физики. Один носил имя Айтуган, другой – Айнур. Айтуган был веселым, шустрым и вспыльчивым малым, а Айнур, напротив, спокойным и довольно задумчивым. В общем, они бороздили океан жизни своим курсом, а я своим. Порой при виде их меня охватывала зависть, потому что парни всегда держались вместе, казались одним целым, а я был бирюком и не понимал, что такое коллективизм. От сознания полного одиночества меня спасала мысль о любимой библиотекарше.

О счастье, теперь я мог пригласить Галю себе в гости! Но не на пустое же место, точнее в пустую комнату, ее было приглашать. Поэтому я решил создать в своей каморке немного «уютя». Каждый человек старается украсить свое жилище по-своему, как ему заблагорассудится. Например, творческая мастерская – художник заполнит свою комнату картинами, красками и кистями, а в жизненном пространстве композитора обязательно появится какой-нибудь музыкальный инструмент, возможно, фортепиано или синтезатор. Я же считал себя поэтом: правда, пока не опубликовавшим в печати ни одного стихотворения, поэтом, которого никто нигде ни разу не упомянул, – тем менее большим поэтом. Поэтому решил поставить в своей комнате небольшой письменный стол. Он был куплен еще на первую зарплату и долго пылился в деревне, на веранде родительского дома. Сразу после получения квартиры я нанял машину и перевез на Яшьләр урамы неременный атрибут писательского труда.

После этого следовало заполнить обитель поэта книгами. В то время народ интересовался литературой. Многие следовали моде покупать и собирать сочинения классиков, потому что они были дефицитом. Хорошую книгу продавали знающему человеку только из-под прилавка, да и то по большому благу. Впрочем, советский народ, увлеченно

собиравший книги, с тем же рвением коллекционировал хрусталь и ковры. Что касается меня, то не проходило и дня, чтобы я не зашел в книжный магазин, и таким образом скопил немалое количество первосортной макулатуры. Да, книг было много, но вот красивой полки, чтобы сложить их в одном месте, не нашлось. Озадачившись этим, я принял решение соорудить ее сам. Из дерева. Мастерство мое, конечно, оставляло желать лучшего – в роду ни одного плотника или мебельщика. В итоге получилось не очень удачно – деревянная полочка, набитая книгами, скосбочилась. Я поправил дело единственным доступным мне способом – наклеил рядом изображение полуобнаженной женщины, вырезанное из модного журнала...

Наконец однажды вечером я привел в эту комнату Галю. В тот день нас с ней отправили в соседнюю деревню на обустройство клуба и библиотеки. Тогда в деревнях они обычно располагались в одном здании, чтобы в зимнее время обогрев, отопление, а также обслуживание населения обходились недорого. Восемь часов мы провели там. А вечером Галя позвонила маме и сказала, что домой не вернется, так как заночует в деревне. Солгала. Под моим давлением. Наверное, впервые в жизни...

В общем, мы не остались в деревне, а направились ко мне. Девушка поначалу не хотела заходить в квартиру, буквально трепетала от страха: ведь она еще молода и стесняется соседей. Когда мы все же переступили порог, учитель Айнур, отрастивший усы и бороду, ставил на газовую плиту железный зеленый чайник. Словно ждал нашего прихода. Наспех попив чаю, мы с Галей поскорее проскользнули в мою комнату. Нам было не до еды, важнее было утолить ласками пламя, сжиравшее наши сердца. Правда, мы успели принять меры предосторожности: одежду и обувь не оставили в прихожей, а занесли в комнату. Запершись изнутри, без промедления легли на расправленную кровать. Половодьем нахлынули страсть и нежность – губы слились в поцелуе. Под воздействием сильных флюидов... Короче, я наконец смог полностью раздеть своего любимого библиотекаря. И...

В тот момент в нашу квартиру ворвалась мать Гали, Надежда Павловна! Как она узнала, что мы здесь? Ведь дочь же сказала ей: сегодня в районный центр не вернусь! Позже выяснилось: Надежда Павловна встретила девушек, которые ездили с нами в командировку, и они нас сдали с потрохами. Вот мать и помчалась на улицу Молодежную. От ужаса Галя застыла с раскрытым ртом, с ее губ, похожих на спелые вишни, не успели слететь все слова признания в любви ко мне...

– Кто ты? – крикнула мать Айнуру.

– Айнур...

– Где Галя?

– Какая Галя?

– Дочь!

– Э-э-э...

– Что?

– Нет... ее здесь...

Не продал нас Айнур, тысячу спасибо ему.

– Она здесь! Своими глазами видела! Здесь! Вот в той комнате! Откройте, нечестивцы! Откройте прямо сейчас!

Надежда Павловна изо всех сил постучала в запертую изнутри дверь. Она едва не рухнула от такого яростного натиска. А мы с Галей (не то что слово вымолвить!) боялись даже дышать...

– Может быть... – воскликнул сосед.

– Что?!

– Выпьете чаю, говорю...

– Какого чаю?!

– Вы бы успокоились... – Айнур снова поставил горячий чайник на плиту, чиркнул спичкой и включил газ. Чайник, повинувшись законам физики, начал закипать и посвистывать.

– Как же, успокоишься тут! Где Ильназ?

– Он ушел...

– Куда?

– В клуб... он всегда уходит по вечерам... и сегодня... вот...

– Не в клубе он, голубчик, а здесь! – воскликнула женщина. – В своей комнате! С дочкой моей сейчас кувыркается на кровати! Ведь он погубит мою дочь! Что, несколько не жалеешь?

– Кого?

– Дочь!

– Мне жаль...

– Вы сговорились!

– Мы вовсе не разговаривали...

– Скажи!

– Что я скажу... чай...

– Он погубит мою дочь!

– Вы не волнуйтесь, он совсем не похож на такого, хороший парень, культурный! – горячо возразил Айнур.

Молодец! Прикрывал меня из последних сил, хотя его дело было сторона. Именно тогда я впервые убедился, какую великую силу представляет собой мужская солидарность.

Тем временем чайник, попыхивая сгустками пара на плите, завел пронзительную песню.

– Может быть... чай...

– Зачем мне чай?!

– У вас, наверное, во рту пересохло...

– Не надо чай! Открой эту комнату!

– Извините, у меня нет ключа от этой комнаты. Даже если бы и был, я не мог бы открыть!

– Почему?

– Согласно конституции... у меня нет права...

– Тьфу! Только бы он вернулся!

– Чай... может быть...

Разъяренная Надежда Павловна наконец покинула квартиру. «Спаслись!» – выдохнул я, и Галя тоже вздохнула с облегчением. Но успокаиваться было нельзя, следовало как можно скорее отпустить девочку, прежде чем ее мать вернется домой. Мы быстро оделись и побежали ко входной двери. На ее пороге, держа в руках зеленый чайник, стоял наш спаситель, усатый физик, и его лицо было таким же белым, как у нас...

– Чай... – сказал он и начал лихорадочно смеяться.

* * *

Мда, что-то я отвлекся. Захотелось не столько вас развеселить, сколько самого себя. Нам, татарам, свойственны две крайности – комедийное и мелодраматичное восприятие жизни. Наш народ в театр только на комедии и мелодрамы ходит. Это я вам как татарский драматург говорю. Поэзия для меня осталась в прошлом...

А может, я потому отвлекся, что мне тяжело о том времени вспоминать? Двадцать два года: я молод, а уже серьезно болен... Любимая девушка отказывает в близости, требуя: «Сначала женись». К тому же надо ехать в Трускавец, да еще дикарем, однако на это нет денег. Вернее, они есть, но их мало. На зарплату методиста сельского клуба не разъездишься, она едва дно кармана закрывает. Пробовал попросить у отца, но он лишь с раздражением махнул на меня рукой. Уж очень я в его глазах невыгодно отличался от своего образцового старшего брата, председателя колхоза. Он-то меня как раз и выручил: «Держи, братишка, возвращайся излечившимся, здоровье превыше всего!» – и вручил мне четыреста рублей. Для меня это была довольно большая сумма. Никогда не забуду его доброту. Есть ли большее счастье в этом суровом мире, чем иметь старшего брата, который ограждает тебя от житейских невзгод!

Собрав чемоданы, в прохладный апрельский день я отправилась в дорогу; предстояло совершить две пересадки, первая из которых была в Москве. Я провинциал, дальше Казани никуда не ездивший, мало что запомнил из дорожных впечатлений. Потому что все время думал только о рейсовом автобусе, который ходит из Львова в Трускавец. Тот самый абый с одной почкой дал мне жесткую инструкцию: «Когда выйдешь из самолета, сразу садись в автобус». Во львовском аэропорту я так и сделал. На мое счастье, транспорт в сторону курорта ходил исправно, каждый час.

Зато помню, с каким восхищением рассматривал мелькавшие вдоль дороги красивые благоустроенные деревни, маленькие хутора, аккуратные, выкрашенные в белый цвет хаты! Каждую минуту что-то радовало глаз. Не то что у нас, в Татарстане: полчаса глазеешь в окно автомобиля, и только «степь да степь кругом». Вернее, холмы и перелески. Словом, много необжитого пространства. Надо сказать, вся Россия в то время представляла собой безрадостное зрелище, человек даже в крупном городе не имел возможности вкусно поесть или культурно выпить, да хоть той же выпечки купить. Зато безудержно процветало воровство и умножались разного рода запреты. А тут, в городе моей мечты – Трускавце, ситуация выглядела совсем другой: на каждом перекрестке – столовая, в каждом переулке – ресторан. И еда, и напитки были так хорошо приготовлены, что аппетит становился неутоляемым. Как-то раз, сильно проголодавшись во время прогулки, я съел за раз три порции...

Разумеется, все это выяснилось позднее, спустя несколько дней. А в первые минуты пребывания в Трускавце меня ничто не интересовало, кроме жилья, – ни город, ни вода, ни лечение: до наступления ночи нужно было заселиться куда-нибудь – я боялся остаться на улице, не успев найти крышу над головой. Дядюшка с почкой уверял, что владельцы съемного жилья толпами будут стоять на автовокзале и ждать квартирантов. Но в день моего приезда там крутилась только одна маржа. Так татары называют всех русских женщин. Звучит, если честно, пренебрежительно, хотя «маржа» — это искаженное Марья... Так вот, маржу очень быстро, толкаясь локтями, обступили «дикари». В прямом и переносном значении этого слова. Толпе не было никого дела до меня, поэта...

Когда я уже был близок к панике, взгляд упал на мужчину средних лет, который переминался с ноги на ногу в сторонке. Он, сирота трускавецкая, был так неряшливо одет и так зарос щетиной, что не нашлось ни одного желающего переговорить с ним. Я же решительно шагнул в его сторону. «У меня есть хата, – сказал мужчина, – с одной стороны я

сам живу, а с другой – постоялец». Я немедленно согласился. За квартиру он просил не слишком много, к тому же радовало, что комната с отдельным входом и ты в ней сам себе хозяин.

Хата, которую нахваливал чудак, назвавшийся запросто – Колей, оказалась на окраине города. Туда нам пришлось добираться на автобусе. Как и обещал хозяин, она разделялась на две части. Моя половина, с небольшой печкой в углу, оказалась просторной и чистой. Там все было без затей: массивный шкаф для одежды, большая железная кровать, маленькая тумбочка, одно зеркало на стене – короче говоря, ничего лишнего. Я остался доволен своим временным пристанищем, несмотря на то, что удручала его отдаленность от центра города и источника целебной воды...

Не успел я обустроиться на новом месте – вытащить из чемодана одежду и, хорошенько стряхнув, аккуратно развесить в шкафу, как через полчаса ко мне заявился дядя Коля. Называть его просто Колей у меня язык не поворачивался. Мы, татары, очень серьезно относимся к разнице в возрасте: если кто-то родился хоть на пять минут раньше, он для тебя «абый» или «апа», то есть «дядя» или «тетя»... С собой Коля-абый прихватил пол-литровую бутылку водки и банку маринованных огурцов. Все это он, видимо, приобрел на деньги, которые я отдал за постой.

– Выпьем?

– Ты что, дяденька! – воскликнул я. – Я приехал сюда не пить водку, а лечиться. Пить воду, слышишь меня? Минеральную воду!..

– Понял, понял! – извинился дядя Коля и быстро исчез вместе с водкой и огурцами.

Через час хозяин хаты вернулся обратно. На этот раз он был уже изрядно навеселе. С размаху плюхнулся на стул, стоявший у печки, и пристально уставился на меня. Не зная, что сказать, я в стеснении ходил туда-сюда, определяя на место вещи, оставшиеся на дне чемодана.

– Любишь футбол? – наконец спросил дядя Коля.

– Люблю! – ответил я, нимало не покривив душой. Помимо литературы и поэзии, меня действительно больше всего интересовали футбол и хоккей. Я играл в эти игры еще дошколенком и, повзрослев, стал страстным болельщиком.

—Я в молодости был футболистом! – сказал хозяин. – Профессиональным футболистом...

– Да? – воскликнул я. – В какой команде вы играли?

– В «Шахтере».

– «Шахтере»?!

– Три сезона. В основном составе... центральный защитник...

«Три сезона»?! «В основном составе»? «Защитник!» Правда ли это?

После такого заявления мое уважение к дяде Коле сразу возросло.

– Не будь Зины, я мог бы играть десять лет...

– Кто такая Зина?

– Моя жена. Бэ-у.

– Как это «бэ-у»?

– Бывшая в употреблении! – рассмеялся бывший центральный защитник. – Из-за этого мне пришлось уйти из спорта, большого спорта...

– Почему?

– Она не видела меня месяцами. Я всегда на сборах. Увидимся раз-два в месяц, и все! Либо футбол, либо она... Зина поставила мне такое условие...

– Ушли, значит?

– Любил я ее, без памяти любил. Затем... стали ходить слухи, сплетни... Мол, когда меня не было... ну, сам понимаешь... Мы с ней познакомились здесь, в Трускавце. Я сам родом не из этих краев, с Донбасса. А Зина из Полтавы. Однажды меня отправили сюда отдыхать...

– Лечиться?

– Какое лечение! От души гуляли мы здесь с одним приятелем футболистом. Нет тренировок. Балдеж! Бухали напропалую... именно тогда я познакомился с Зиной. Моя будущая жена приехала сюда пить трускавецкую воду. Ушла любовь, ушла страсть, держись только! Эх-ма!!!

– Наверное, так многие встречаются на этом курорте?!

– Здесь стоит только познакомиться, так сразу и женишься, да и замуж выйдешь. Это проклятый курорт! Судьбу многих повернул на сто восемьдесят градусов. Смотри, как бы и твою не повернул!

– Нет, моя цель не в этом...

– А в чем?

– Лечение.

– Не переживай из-за этого, вылечим. У меня многие квартиранты жили. Есть один знакомый врач, я тебя к нему отведу. Здесь можно принимать минеральные ванны, есть озокерит...

– Что это?

– Озокерит? Что-то похожее на воск... минерал... он есть в горах... Бывает зеленовато-желтым, коричневым... Маслянистый, если взять его в руки. Пахнет керосином. Спичкой об него чиркнешь, и он загорается. Хе... Этим и лечат почки. Или чем-то в этом роде... Но запомни: в Трускавце главное – вода. Вода и только вода. Чтобы пить эту воду, сюда стекаются жители всего СССР. Если ее попьешь, никакого другого лечения не потребуются. У нее есть название...

– Какое?

– Нафтуса... ха-ха... Мы называем ее спиртуса... шутя, по-своему... ну ладно... Спокойной ночи...

Дядя Коля легонько засмеялся, щелкнув себя по горлу, и медленно двинулся к выходу.

– Не договорили! – остановил я его. – А где теперь ваша жена?

– Зина?! – Хозяин нахмурился и на мгновение задумался. Лицо озарило проблесками тоски. – В Донбассе, у детей. Мы расстались с ней. Какая женщина сможет жить с пьющим? А я после ухода из футбола потерял смысл жизни. Футбол – это фейерверк, эйфория! А после такого фейерверка, после такой эйфории ходить работать на какой-то завод... извини, друг... это уже не мое... и... В жизни нельзя совмещать футбол и любовь. Потому что не сможешь играть... Я оставил им четырехкомнатную квартиру. А сам купил здесь дом. Вот эту хату. Спросишь, почему не в Донбассе, а здесь, в Трускавце?

– Да?

– Здесь я пережил свою юношескую любовь, – сказал дядя Коля, отводя в сторону грустные глаза. – Мою неповторимую любовь... И сейчас я брожу по ее следам... Поднимаюсь в горы, захожу в лес, направляюсь к Юзе... Это источник... очень красивое место... когда там будешь, увидишь... Я хочу тебе кое-что сказать...

– Да?

– Никогда не отклоняйся от своего пути, цели и не попадай в мое положение... В твоих глазах я вижу, что в твоей душе теплится мечта... Кем ты мечтаешь стать?

– Я пишу стихи...

– Поэт, значит?!

– Пацти... – Я сказал это с нарочито татарским акцентом, давая понять дяде Коле, что перед ним поэт, пишущий на родном языке.

– Братан, – вдруг обратился он ко мне с назидательной речью, – мой тебе совет: не отступай ни на шаг от своей мечты, пусть твои мысли станут реальностью. Какие бы препятствия и преграды ни встретились тебе в жизни, не отступай от того пути, по которому идешь... Если ты поэт, оставайся поэтом! Никому никогда не поклоняйся, слышишь, ни женщине, ни государству! Никогда... слышишь...

– Да...

– Никогда не предавай себя! Как говорится, неси свой крест до конца... Понял?!

– Понял...

* * *

Рассказ дяди Коли взволновал меня. Я и без того перед полетом в Трускавец поставил себе условие – строго-настрого избегать влюбленностей и не гоняться за девушками, а после слов «прóклятый курорт!» еще более укрепился в принятом решении. Почти как в популярной советской песне, если помните: «Первым делом, первым делом – пью нефтусю, ну а девушки, а девушки – потом».

Удивительно, я продержался довольно долго – шестнадцать дней. Теперь сожалею, что не вел дневник, записывая каждое событие. С другой стороны, записывать особо было нечего. Каждое утро я облачался в длинный плащ синего цвета поверх теплой фуфайки и отправлялся на автобусе к бювету. Наливал минеральную воду из крана в специальный бокал с тонким длинным носиком и пил ее три-четыре раза в день. Приходилось делать длительные перерывы между приемами нефтуси, потому что ее неумеренное употребление могло вызвать приступ желчекаменной болезни. С приезжими здесь это случались довольно часто. Поэтому неподалеку от бювета дежурила машина скорой помощи... А чуть подальше, на расстоянии пятидесяти метров, располагался туалет. Почему так близко, я вскоре понял. Мочегонная сила нефтуси настолько сильна, что бежишь в отхожее место через пять минут после того, как высосешь бокальчик.

Из каких только городов СССР не приезжал сюда народ. Русские, армяне, грузины, азербайджанцы, татары... Приезжали как к себе домой – между прочим, к украинцам, которые составляли большинство местного населения. Они уже тогда держались обособленно: разговаривали исключительно на родном языке, причем громко, смеясь через каждое слово. Насытившись разговором, начинали петь. От всей души, в полный голос. Что-то наподобие праздника песни повторялось у местных почти каждый день. Одна из песен их репертуара и сейчас достаточно узнаваемая:

Ты ж мэнэ пидманула,
Ты ж мэнэ подвела,
Ты ж мэнэ молодого
З ума-разуму звела...

«Ты ж мэнэ пидманула» напоминала мне татарскую народную песню «Күбэлэк», «Бабочка».

Незадолго до отъезда, наступил какой-то предел. Я устал ежедневно топтаться возле бювета, цедить воду из бокала с длинным носиком, вечерами слушать душераздирающие воспоминания о Зине и неуклюжие шутки хозяина хаты. Попытался спастись от скуки сочинительством, но тщетно. Голова была пустая, как барабан. Нанес визит к «духтыру», другу дяди Коли, однако не услышал от этого человека ни одного путного слова и зря потратил деньги. Воспоминания о Гале не вызывали ни малейшего воодушевления. Я с тоской смотрел на высокие санаторные корпуса, которые возвышались среди малоэтажной застройки Трускавца. В этих наполненных солнечным светом санаториях лечились счастливые отдыхающие, приехавшие с путевками... Казалось, там кипит совсем другая, насыщенная жизнь. Да, мне понадобилось новое состояние, какой-то подъем, рывок. Хоть какое-то любовное приключение, откровенно говоря. Вопреки данному себе обещанию...

* * *

«Красавица, вы отдыхающая?» – «Да, отдыхающая».

По-татарски это звучало бы так: «Матурым, сез ял итүчеме?» – «Әйе, мин ял итүче».

Я встретил ее перед бюветом в солнечный весенний день. Весьма прохладный, поэтому она была в мутоновой шубе. Черной, искрящейся ворсинками в лучах солнца. Ее густые длинные волосы, не прикрытые капюшоном, рассыпались под дуновением карпатского ветра. С первого взгляда мне понравилось в этой очаровательной девушке все: и ее курносый нос, и карие глаза, и легкая полнота. Но излишняя скромность и застенчивость, как обычно, мешали мне. Я долго не решался подойти...

– Красавица, вы отдыхающая или местная? – наконец выдавил я из себя.

– Отдыхающая, – улыбнулась девушка.

Ее улыбка была обворожительной. Без преувеличения. Когда она улыбалась, на ее щеках появлялись удлиненные ямочки, которые татары называют «мәхәббәт чокырлары» – «ямочки любви».

– Можно ли с вами познакомиться? – сказал я, наконец преодолев нерешительность.

– Можно...

– Я Ильназ...

– «Ильназ»? – удивилась она. Видимо, услышала такое имя впервые.

– Да, Ильназ, а вы?

– Стефания.

– «Стефания»... красивое имя! Вы издалека?

– Нет. С Украины.

– Вы украинка?

– Да, а вы откуда?

– Из Татарстана.

– Откуда?

– Из Казани. Слышали?

– Да. Вы татарин?

– Татарин.

– А я хохлушка.

– Из какого района Украины?

– Из города Мостиска.

- «Мостиска»? А где он?
- Недалеко от границы с Польшей.
- Какими ветрами занесло сюда?
- Лечусь...

Наше сближение было стремительным. Уже через полчаса мы поверяли друг другу свои секреты. Выяснилось, что у Стефании обнаружили камни в желчном пузыре и, чтобы избавиться от них, она почти каждый год приезжала в Трускавец на лечение. Конечно, было немного странно, что девушка девятнадцати лет страдала от стариковского, как мне казалось, недуга. Она, в свою очередь, тоже многое узнала обо мне. Во-первых, конечно, о моих простуженных почках, а во-вторых, о том, что я не совсем обычный человек – пишу стихи и собираюсь в будущем стать поэтом. А это ой как нелегко, потому что в моем окружении сплошь низкодушные, не понимающие поэзию люди, вдобавок к ним глупые чиновники, которые ходят мимо с высоко поднятым носом и даже взглядом не удостоивают. Нет, сказанное не было каким-то хвастовством с моей стороны, как-то само собой получилось. Просто наши молодые души, пресытившись однообразием курортной жизни, жаждали любви и нежности, флюидов. А для того чтобы зажечь это пламя, не нужно ничего особенного, достаточно порой одного теплого слова, одного ласкового взгляда.

Стефания попросила меня прочесть ей какие-нибудь свои стихи. Я выбрал новые, которые недавно родились в душе и еще не были перенесены на бумагу. Разумеется, я читал на родном языке. Она сама об этом попросила, потому что хотела услышать, как татарский язык звучит из моих уст. А я, вдохновленный ее вниманием, сказал, что, согласно историческим данным, татарская кровь течет и в украинском народе. Хотелось верить, что это так! В будущем обещал написать стихотворение, посвященное ей, и обязательно на русском языке. В ответ она произнесла удивительную речь: «Мы не говорим дома на русском языке. За это могут и по губам треснуть!» От ее слов весь мой антисоветизм куда-то странным образом улетучился. «Как же так, – подумал я, – у нас же дружба народов».

– Чехов... Чехонте... – сказал я, невольно вставая на защиту русской культуры, – в одном своем произведении дал хохлушкам очень точную характеристику...

– Какую? – поинтересовалась Стефания.

Я ответил ей словами классика:

– Хохлушки только плачут или хохочут, среднего же настроения у них не бывает.

Стефания сдержанно улыбнулась – ей пора было принимать минеральную ванну. Ведь она, в отличие от меня, приехала сюда не «дикарем», а по путевке и отдыхала в восьмизэтажном санатории «Каштан». Она не только пила минеральную воду, как я, но и получала почти дюжину процедур, рекомендованных докторами.

На следующий день мы встретились со Стефанией ближе к вечеру, когда центр города опустел. После недолгой прогулки по бювету она предложила пойти к Юзе. Если бы не Стефания, вряд ли я посетил бы этот источник, следуя совету дяди Коли. До сих пор помню, что над родником, бьющим у подножия горы, стояло небольшое деревянное сооружение, увенчанное башенкой со шпилем. Вход туда был закрыт, и воду мы черпали ладонями у края водного потока. По легенде, вода Юзи молодит и помогает долго не стариться. Вдобавок ко всему умножает

страсть к жизни и любвеобильность. Рядом с Юзей мы со Стефанией долго смотрели друг на друга. Наступил момент, когда, пораженный молодостью и красотой спутницы, я не сдержался и порывисто поцеловал ее в щеку. Наши руки сплелись, взгляды встретились, и в двух молодых сердцах вспыхнуло пламя любви...

В тот момент я услышал из ее уст печальную весть. Через три дня Стефания должна была вернуться домой. Эти слова для меня были подобны кинжалу в сердце! Неужели моему знакомству суждено начаться с прощания?! Эх, если бы мы увиделись с ней раньше и познакомились раньше!

Ночевать мы отправились ко мне, в хату. Дядя Коля, увидев, что я не один, промолчал. Но я все же подстраховался и, чтобы избавить себя от его непрошенных визитов на свою половину, – сунул ему в руку три рубля. Он тут же куда-то исчез.

Каждый, кто сейчас читает эти строки, догадывается, что произошло потом. Да, мы провели ночь любви. Я рад бы был соблности мудрую заповедь джентельменов: «булганны – сөйләмиләр!» – «молчи о том, что было». Но я рассказываю вам о такой сильной любви, которая лишает смысла ханжество. Оставить в секрете от всех счастливую ночь, проведенную вместе со Стефанией, было бы так же глупо, как откладывать нашу близость. Она сделала нас обоих по-настоящему счастливыми в ту ночь, бесконечно счастливыми. Этому не помешало даже незримое присутствие в хате сурового отца Стефании, военного, насколько помню. «Если рожу ребенка до замужества, отец убьет меня!» – время от времени вздыхала любимая.

Наутро мы выехали в центр города. Поскольку был выходной, Стефания не спешила на свои процедуры. Она почему-то повела меня в церковь, единственную в Трускавце, очень красивую. Я из интереса зашел туда вместе со ней. Впервые в жизни переступил порог христианского храма! Как ни странно, испытал бесконечное восхищение, увидев внутреннее убранство и красочные иконы с изображением святых.

Стефания подошла к напольному подсвечнику. Затем, явно избегая моего внимания, начала быстро креститься. Я не воспринял ее действия всерьез, объяснив их желанием прикоснуться к чему-то высокому. Тем не менее, из стремления стать Стефании еще ближе, тоже попытался зажечь свечу, но почему-то остолбенел. Как будто кто-то, помимо моей воли, схватил меня за руку и остановил. Но мне и без свечи было благостно, невероятно благостно. Потому что в церкви явственно ощущалось присутствие божественной тайны – таинства, по-русски говоря.

После этого мы сфотографировались в близлежащем сквере. Взявшись за руки. Нас снял длинноволосый верзила, довольно отталкивающий на вид. Дельцов, с фотоаппаратами на шее, подобных ему, в этом людном месте было пруд пруди. Оказалось, фотография будет готова только через три дня, поэтому я пообещал отправить ее Стефании в письме...

Понедельник, вторник... в среду она уедет. Эта грустная мысль терзала мое сердце. Как так? Ведь не прошло и трех дней с тех пор, как мы познакомились, а уже полюбили друг друга и сблизились. До такой степени, что нами было принято решение: в оставшиеся два дня ни на шаг не отходим друг от друга, ни на минуту не оставляем один другого в одиночестве! Мы так и сделали: Стефания в течение двух суток не получила ни одной процедуры, пропустила все, кроме бассейна. Она перестала ходить в столовую санатория, чтобы вместе со мной питаться в кафе и ресторанах. Днем я проводил время в «Каштане», в ее номере, а с наступлением вечера мы перебирались в мою хату...

Однажды ночью я спросил ее:

– Стефания, у тебя есть мечта, и если да, то какая самая большая?

– Есть, – сказала она, – жить с любимым человеком в уютном, маленьком домике...

– Кто этот счастливец?

– Ты! – улыбнулась она.

– Любишь? – спросил я, ничуть не сомневаясь в ответе. – Скажи, как по-вашему называют любимого человека?

– Лучше сначала ты. Как у вас?

– У нас... – задумался я, припоминая. – Сөөклем, бердэнберем, матурым, бәгърем... любимая моя, единственная моя, красивая моя, сердечко мое... Ну, а по-вашему как?

– Коханий...

– «Коханий»?! – радостно повторил я. – Ах, как красиво это звучит...

– Да, ты моя коханья...

* * *

В среду я пошел провожать Стефанию на автовокзал. Накануне вечером попросил у нее фотографию. На память. Чтобы на ней была только она одна. «Нельзя дарить любимому человеку фотографию – это приводит к разлуке!» – сказала Стефания, улыбаясь сквозь слезы. Страшно было представить, что ее слова могут сбыться. Я не мог оторвать глаз от возлюбленной, от ее божественно-печального лица, потому что мне недолго оставалось на него смотреть.

Чувствуя, что минуты прощания уже наступили, любимая промокнула глаза носовым платком. Я же сдерживался из последних сил. Решил дать волю слезам позже, когда меня никто не увидит...

– Ильназ, – сказала она, вырываясь из моих объятий, – я уезжаю, мы скоро расстанемся, скажи одно слово!

– Какое слово мне надо сказать?..

– Что бы ты мне пожелал?

– Здоровья тебе желаю, – сказал я, – выздоравливай, душа моя, не болей никогда...

– Ой! – улыбнулась она. – Как наши желания совпадают, и я мысленно пожелала тебе именно этого...

– Спасибо... Любимая...

– Любимый мой... коханий...

Она вновь прильнула ко мне, крепко обняв. Как несчастный ребенок, который боится потерять самого родного человека на свете, я прижимал ее к себе снова и снова, все сильнее и сильнее. Понимая, что теряю ее навсегда, я хотел, чтобы автобус, на котором она поедет, либо никогда не тронулся с места, либо, сломавшись, хотя бы ненадолго задержался.

В последний момент Стефания напомнила мне о стихотворении, которое я обещал ей посвятить. Оно уже практически родилось, это стихотворение, в моей голове... «Я за тебя молиться буду...» – так оно начиналось и заканчивалось теми же словами...

Вот Стефания, с двумя маленькими сумочками, заходит в автобус. Вот поднимается по ступеням, садится на сиденье, вот она, слегка улыбаясь, машет нежной рукой, которая когда-то ласкала меня... Один короткий миг – она скоро исчезнет, навсегда, безвозвратно исчезнет!..

Автобус тронулся. С собой он уносил не только мою возлюбленную, но и мою судьбу. Я, словно помешанный, вдруг стремглав побежал

за автобусом. Наверное, люди, находящиеся на вокзале, подумали: какой-то беспечный пассажир опоздал на свой рейс...

Вы тоже наверняка уверены, что то, о чем я рассказываю, – банальное любовное приключение, заурядный курортный роман. Нет, вы сильно ошибаетесь. В основе этого «приключения» лежала глубокая тоска двух молодых, но уже серьезно больных людей: оба только начинали жить, а тем не менее успели ощутить свирепость ветра жизни...

Я вернулся в хату дяди Коли. И тут же пожалел, что вернулся. В своей комнате я дошел до грани несуществования: исчезли все желания, стало невыносимо тесно, что-то мешало дышать. На столе лежало пять красных яблок. Одно из них, прошедшей ночью надкушенное Стефанией, скатилось к краю стола, на нем еще оставались следы зубов моей возлюбленной... Это несчастное яблоко доводило меня до слез.

На другой день, за пределами хаты, облегчения не наступило. Я не знал, куда себя девать. Красота карпатских предгорий уже не радовала. Пропал интерес к курортникам как к вероятным героям и персонажам моих будущих литературных произведений. Ничего, кроме раздражения, не вызывал хор, распеваящий протяжную песню перед бюветом. Я едва нашел в себе силы зайти в фотоателье и забрать фотографию, запечатлевшую меня со Стефанией. Мы с ней хорошо вышли: пара святающихся от счастья голубков!

Я отправил карточку по почте на следующий день, когда мое стихотворение было готово, когда счел: в целом получилось неплохо, вполне читабельно. Разумеется, в стихотворении было много недостатков, строк, которые мне не нравились, потому что тогда я еще толком не знал русский язык. Тем не менее вложил в конверт это стихотворение вместе с фотографией, а также с маленькой виниловой пластинкой, на которую записал песню Вахтанга Кикабидзе. Тогда было модно дарить песни. Полностью ее не помню, разве что один куплет:

Вот и все, что было вот и все, что было.

Ты как хочешь это назови.

Для кого-то просто летная погода,

А ведь это проводы любви...

Заклеив конверт, написал адрес на лицевой стороне. Под ним вывел – «Стефании Билозир». Опустив письмо в почтовый ящик, я попробовал позвонить ей на работу. Выяснилось, что там она пока не появлялась. И тогда я принял решение на три дня раньше, чем планировал, покинуть Трускавец. Родниковая вода родины показалась мне слаще и целебнее, чем прославленная вода чужой земли.

Перед моим отъездом я устроил дяде Коле праздник – накрыл обильный стол. Немного подняв настроение, мы заговорили и женщинах. Я излил бывшему футболисту свою тоску по Стефанией. Он, внимательно выслушав мои «умираю люблю» и «жить не могу», улыбнулся: «Ты татарский парень, а она хохлушка, жениться на ней ты не можешь, но смотри – эта любовная тоска сохранится в твоём сердце на всю жизнь!»

* * *

Прав оказался бывший центральный защитник. После солнца, гор, всепоглощающей любви жизнь в районном центре показалась мне совершенно бессмысленной.

К тому же я остался без своих соседей по квартире, которые хоть как-то скрашивали мое существование. Айтуган уехал в деревню работать директором школы. В ту самую Куккузи, где Хабибрахман-абый лечил луком мою мать. Айнур, спаситель с зеленым чайником, подался туда вслед за другом. В их комнату поселили молодую семейную пару – каких-то очень востребованных молодых специалистов. Но для меня общение с ними не представляло никакого интереса. Когда молодые в своей комнате затевали страстную любовную игру, мне приходилось лежать без сна всю ночь...

Вскоре меня разыскала Галя. По ее обиженному лицу и укоряющему взгляду я быстро понял, что она не скажет мне ничего хорошего.

– Полмесяца пробыл в отпуске и ни разу не позвонил!

– Отдыхал, лечился, – вяло оправдывался я.

– Скажи, ты меня любишь или нет? – спросила Галя.

Если бы она не задала мне этот вопрос, я, возможно, не смог бы сказать ей правду. Хотя любовное потрясение, пережитое в Трускавце, вряд ли возможно было скрыть. Как бы то ни было, вопрос Гали послужил спусковым крючком чистосердечного признания: мне почему-то захотелось поделиться новостью о своей любви к Стефании с девушкой, в которую я был влюблен до того. Ну не дурак ли я после этого...

– Галя, – сказал я и вдруг запнулся. – Не сердись на меня...

– Говори, я слушаю...

– Я влюбился в другого человека...

– В кого?

– В одну девушку...

– Когда? В отпуске?

– Да, в отпуске...

– Где она сейчас?

– Осталась там... На Украине...

– Интересно...

– Что?

– Она же бог весть где... далеко! Вы еще встретитесь с ней или нет?!

– Не понял...

– Пора забыть! – отрезала она. – А я вот здесь, рядом с тобой... я ведь люблю тебя...

– А я не люблю.

– Не любишь?!

– Да, нам нужно расстаться...

Я, не задумываясь, повторил это громче, а она молчала, опустив голову. Круглое лицо от нервного возбуждения покраснелось, на кончике носа выступил пот. Она очень волновалась и, очевидно, была до глубины души оскорблена...

– Галя, не обижайся на меня, ты очень хороший человек, очень, но...

– Говоришь... конец?..

– Прости... я люблю другую...

Так мы с Галей попрощались. Всем известно, влюбленный человек безжалостен по отношению к другим. Так оно и есть. После этого разговора мы еще несколько раз с ней виделись, объяснялись. Но в наших отношениях уже наступила бесповоротная осень. Через пару месяцев Галя покинула район. Я даже не знал, куда она уехала.

Тогда, после возвращения из Трускавца, все мои мысли были о Стефании. Из почтового отделения я позвонил ей на работу. Ждал довольно

долго, пока телефонистка соединит меня с Мостиской. Наконец услышал мягкий нежный голос любимого человека...

– Стефания...

– Ил... ты... – Голос радостный, жизнелюбивый. – Спасибо тебе... не думала, что позвонишь...

– Стефания... я не могу забыть тебя, я так скучаю по тебе... а ты?

– Так же... так же, милый... очень по тебе скучаю...

– Я написал тебе письмо, оно скоро придет...

– Спасибо, милый...

– Напишешь ответ?

– Конечно, милый... как же...

– Тебе...

– Да?

– ...понравилось стихотворение?

– Очень... знаю даже наизусть...

– Спасибо.

– Я за тебя молиться буду...

Стефания читает мое стихотворение, но мне кажется, что оно написано каким-то посторонним человеком. Мы долго по телефону объясняемся в любви; теплые, ласковые слова летят по проводам из райцентра Татарстана далеко на Украину, в какой-то город Мостиску, который я никогда в жизни не видел и вряд ли увижу... оттуда в ответ летят другие слова, такие же теплые и такие же ласковые...

Мы переписывались более полугодом. Сначала часто, потом все реже и реже. Если не поддерживать огонь любви, он постепенно угасает. Как костер без дров. Я уже почти созрел для решения бросить все и навсегда уехать к ней, на Западную Украину. Сообщил Стефании об этом в поздравительной открытке, накануне Восьмого марта. В ответ пришло письмо... от ее мужа. Горькое и ненавистное письмо. В том страшном письме муж писал: «Какой ты поэт! Ты разве поэт?! Такое стихотворение я и сам могу написать! Бедная девочка тебя поверила, а ты ее обманул! Попробуй только к нам приехать, только появишься, я проломлю тебе голову, руки-ноги поотрываю!»

Оскорбляло не то, что он построил разговор со мной на языке угроз, а то, что старался показать меня не влюбленным, а совратителем.

Правда, тогда я больше переживал за Стефанию. Я и сейчас чувствую свою вину перед ней. Прости любимая, если бы я знал, что ты замужем, не поставил бы тебя в такое затруднительное положение! Представляю, как ты пострадала из-за этой открытки...

* * *

Вы наверняка тоже придеретесь ко мне и скажете: да какой ты драматург. Композиция твоего рассказа никуда не годится, она как та перекошенная книжная полка, которую ты смастерил на улице Молодежной. Да, я действительно ничтожно мало помню о главной в своей жизни встрече. Со времени ее прошло уже более тридцати лет...

Не сохранилось не только писем, но даже фотографий любимой хохлушки. Ту, что подарила Стефания, куда-то задевала мама. Ее тоже можно понять: не хотела породниться с маржой. Другую фотографию, на которой мы с любимой стояли рядом, держась за руки, давно вырвал из альбома мой маленький сын. Сейчас на ее месте лишь пустой лист, на котором крупными буквами начертано Stefani...

Когда начались трагические события на территории Украины, душа моя лишилась покоя. Я начал неотступно думать о Стефании. Ко мне вернулись стихи...

Пролегли расстояния.
Промчались годы.
Каждая любовь угасает, истлев.
Но я
    через толщу десятилетий
Взываю к тебе, Стефания...
Навеки перед глазами – лик твой светлый,
Дубрава тенистая и Юзи журчанье.
Как ты?!
    Где ты?
        И с кем ты?
Разве силах забыть я взгляд твой, полный тоски,
Имя твое венценосное...

Если кто-то из моих соплеменников возмутится: «Уж не хочешь ли ты, описывая свою любовь к марже, сбить нас с прямого пути?!» – я отвечу. Отвечу пафосно, как в мелодраме: в этом мире есть великое чувство любви, и оно не спрашивает тебя, какой ты национальности, а подхватывает, как пушинку, и уносит в свою сторону!

А теперь хотите, скажу, что я сделал с домом, покраска которого чуть не свела меня в могилу? Он достался мне в наследство после смерти отца. Я обшил его сайдингом!

Перевела Галина Зайнуллина